

Каминский Петр Петрович

ПУБЛИЦИСТИКА В.Г. РАСПУТИНА: МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА

Специальность: 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Суханов Вячеслав Алексеевич

Официальные оппонен-
ты – доктор филологических наук, доцент
Анисимов Кирилл Владиславович

– кандидат филологических наук, доцент
Тюрина Ирина Ивановна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Защита состоится 20 декабря 2006 г. в «10» часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Автореферат разослан «_17_» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, профессор

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В. Распутин – одна из центральных фигур литературного процесса второй половины XX века. Практически все произведения В. Распутина конца 1960-х – начала 1980-х годов признаны классическими и заслуженно входят в сокровищницу русской литературы. Продолжатель прямой линии от русской классики Достоевского и Бунина (В. Крупин), мастер жанров повести и рассказа, знакомый со всеми их внутренними возможностями и секретами, писатель, необычайно тонко чувствующий жизнь, он вывел «деревенскую» литературу на качественно новый этап развития, обогатив литературный процесс в целом. Вглядевшись в корневые основы жизни народа, саму субстанцию народного существования, он предельно усилил нравственно-философское звучание прозы о деревне, создал модель единого мира, сущего и должного человеческого бытия (Г.А. Белая). Художественное наследие писателя всегда привлекало внимание исследователей в России и за рубежом, оно всесторонне изучено в критике и литературоведении (В. Шапошников, Н.С. Тендитник, С.Г. Семенова, В.Я. Курбатов, А.Ф. Лапченко, С.В. Перевалова, И.И. Плеханова, А.В. Урманов, D. Gillespie, G. Hosking, D. Brown, T. Polowy, K. Parté, G. Diment, J. Dunlop и т.д.), однако в отечественной и зарубежной науке очень мало работ, в которых рассматривается такой обширный пласт его творчества, как публицистика (И.А. Панкеев, В.Я. Курбатов, Н.С. Тендитник, Б.М. Юдалевич, К.В. Анисимов, И.Б. Гладкова, Е.В. Петушкова, И.В. Ходченкова, Т. Polowy, K. Parté, G. Diment и др.), и отсутствуют исследования, где она изучается целостно и системно.

Актуальность исследования определяется интересом современного литературоведения к изучению специфики различных дискурсов и потребностью в целостном изучении категории автора. В этом контексте оказывается актуальным исследование публицистики В. Распутина как самостоятельного дискурса, позволяющего выявить становление и развитие мировоззрения писателя от конца 1950-х годов до настоящего времени. В современной социокультурной ситуации «промежутка» (Ю. Тынянов) изучение специфики публицистического высказывания, воплощенных в нем идей и оценок истории, современности, культуры виднейшего русского писателя второй половины XX века дает возможность понять не только типологические и индивидуальные особенности мировоззрения В. Распутина, его гносеологические и аксиологические предпочтения, место и роль публицистики в его творчестве, но позволяет уточнить причины художественного кризиса писателя и течения «деревенской» прозы. Все это углубляет представления о своеобразии индивидуального мировоззрения писателя и его судьбе в ситуации модернизации российского общества, происходящей на протяжении последних десятилетий.

Материал исследования составляет весь корпус публицистических работ В. Распутина с марта 1957 года по настоящее время. В конкретном анализе использованы наиболее репрезентативные в контексте темы диссертации публикации: вся ранняя публицистика, основные очерки, статьи, рецензии, выступления и интервью, вошедшие в сборники публицистики В. Распутина, более ста публицистических материалов разных жанров, опубликованных в журналах, газетах и книгах. Последние публикации, привлекаемые к анализу, датируются 2006 годом.

Цель работы – в анализе проблематики и поэтики публицистики В. Распутина выявить и реконструировать мировоззрение писателя (синхронный аспект) в его становлении от конца 1950-х до начала 2000-х годов (диахронный аспект).

Для достижения поставленной цели оказалось необходимым решить следующие **задачи**:

- 1) определить место и роль В. Распутина в литературной и общественной жизни второй половины XX века;
- 2) проанализировать весь корпус публицистики В. Распутина конца 1950-х – начала 2000-х годов;

- 3) установить характер связи публицистики и художественного творчества писателя;
- 4) выявить и обосновать факторы формирования мировоззрения писателя;
- 5) исследовать мировоззренческие доминанты В. Распутина и образованные ими концептуальные уровни мировоззрения;
- 6) интерпретировать составляющие мировоззрение писателя концептуальные системы (онтологическую, историософскую, социально-философскую, экологическую, этико-философскую и эстетическую);
- 7) в анализе публицистики обнаружить те свойства мышления В. Распутина, которые детерминируют творчество и формируют картину мира.

Методологическую базу исследования составляют философские работы по проблемам мировоззрения (В. Дильтей, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Д. Гудинг, Дж. Леннокс, Р.А. Арцишевский, Л. Шестов и др.), историко-генетические и структурно-типологические исследования (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, В.Н. Топоров, и др.), работы по семиотике (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Ц. Тодоров, У. Эко), мифотворчеству (Э. Кассирер, М. Элиаде, К.-Г. Юнг), психологии художественного творчества (Л.С. Выготский) и культурологии (Л.Н. Гумилев, А.А. Ивин).

Научная новизна работы определена тем, что в ней впервые публицистика В. Распутина интерпретируется как единый публицистический дискурс, как целостное высказывание о человеке и бытии. В анализе его поэтики и проблематики осуществляется системная реконструкция мировоззрения писателя, устанавливаются факторы его формирования, определяются этапы становления и развития. Полученные результаты открывают значение публицистического типа высказывания для самосознания писателя и углубляют представления о месте и роли публицистики в творчестве В. Распутина. Они позволяют скорректировать взгляды на творчество В. Распутина как художественную систему, в которой традиционный тип ментальности предстал в двух принципиально разных социально-исторических ситуациях стабильности и модернизации, что уточняет сложившиеся представления о причинах художественного кризиса писателя. В диссертации предпринимается попытка, с одной стороны, устранить ситуацию сущностного непонимания позиции В. Распутина-публициста (соответственно, во многом реабилитировать писателя после трагической эпохи перестройки и постперестройки), с другой стороны, устранить заблуждения, сложившиеся вокруг его публицистики как «справа», так и «слева» спектра современной общественной мысли.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Мировоззрение В. Распутина формируется под влиянием следующих основных факторов: архаических структур (архетипов) сознания, личного жизненного опыта, освоения культурных дискурсов народного языка и патриархальной культуры, русской и зарубежной литературы XIX – начала XX века, современной литературы, отечественной историографии (в том числе региональной) и русской философской (религиозной) мысли.

2. Основные мировоззренческие доминанты (представления о человеке, социуме, бытии) писателя детерминированы архетипами, «коллективным бессознательным» (К. Юнг) и социальными условиями существования (мир русской деревни), что позволяет типологически определить мировоззрение В. Распутина как традиционное.

3. В публицистике конца 1950-х – начала 1960-х годов способ восприятия мира и формирования его картины определяют свойства «коллективистического» (А.А. Ивин) мышления (догматизм, авторитарность, символизм, спекулятивная ориентация, дидактизм, этический иерархизм), что детерминирует социальный утопизм в оценке действительности и человека.

4. С начала 1960-х годов в публицистике актуализируется архаический, мифологический уровень мышления. Рудименты архаических моделей культуры, глубинные семантические коды, дорефлективные схемы и символы, составляя ядро мировоззрения писателя, способ-

ствуют преодолению социальной обусловленности и становлению собственно персонального мировоззрения В. Распутина, которое оформляется в публицистике к концу 1970-х годов.

5. Формирование онтологического уровня мировоззрения приводит к открытию глубины и сложности организации Вселенной. Универсальная модель бытия основывается на природно-космическом мироощущении, имеющем характер трансцендентного (мистического) опыта. Представления о человеке и социуме приобретают универсальный характер. Человек и общество генетически включены в структуру бытия, которое в идеале определяет направленность и составляет опору человеческого и социального существования.

6. На основании представлений о взаимосвязи и взаимодействии человека (социума) и природы формируется исторический уровень мировоззрения писателя – представления о цивилизации, историческом процессе и современности, национальном своеобразии русского народа, его исторической судьбе и авторская футурология.

7. Структурообразующим началом мировоззрения выступает этика. Деонтология задает стратегию целеполагания и социального поведения, систему мотиваций. Этика долженствования в публицистике писателя онтологична, сводится к природному и родовому указу. Авторская концепция долженствования определяет представления о миссии художника как медиума запредельного нравственного закона, праведника и проповедника.

8. Эстетический уровень мировоззрения определяет взгляды писателя на словесное творчество. Творчество предстает формой нравственного самосознания коллективного целого (народа), обладающей трансцендентной природой, и жизни.

9. Система этических и эстетических представлений определяет взгляды писателя на язык (средоточие национальной субстанциальности), культуру, искусство (способ творческого самовыражения народа), литературный процесс второй половины XX века, творческий процесс (роль и значение художественного вымысла, взаимоотношения автора и героя). С представлениями о бытии как тайне связана поэтика многозначности, тяготение к мифу, символу.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться в изучении литературного процесса второй половины XX века, современной литературы Сибири, в практике политического и культурного строительства постсоветского государства. Результаты диссертации нашли применение в курсе лекций «История российских средств массовой информации: проблемы типологии и публицистики (новейший период, 1917 – 2005)»¹.

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы на аспирантских семинарах кафедры истории русской литературы XX века ТГУ, Международной научной конференции «Филология и философия в современном культурном пространстве: проблема междисциплинарного синтеза» (Томск, декабрь 2003 года), V Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, 26–27 марта 2004 года), III Международной научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (Томск, 4–5 ноября 2004 года), Всероссийском междисциплинарном научном семинаре «Текст как объект, средство и источник интерпретации истории» (Томск, 10–11 декабря 2004 года), VI Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 22–23 апреля 2005 года), II Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы журналистики» (Томск, 21 апреля 2005 года), XV Духовно-исторических чтениях в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Томск, 11–13 мая 2005 года), Всероссийской научно-практической конференции «Журналистика в поиске моделей

¹ История отечественных СМИ: Проблемы типологии и публицистики (новейший период, 1917–2005): Учебно-методическое пособие для студентов ТГУ / Сост. Митченкова И.И., Каминский П.П. Томск, 2005. 48 с.

развития» (Томск, 9–11 ноября 2005 года), Всероссийском междисциплинарном научном семинаре «Деонтологическая проблематика русской литературы XX века» (Томск, декабрь 2005 года), Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Mass-media: Новые идеи» (Томск, 14 апреля 2006 года), XVI Духовно-исторических чтениях в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Томск, 17–18 мая 2006 года).

В 2005 году изучение публицистики В. Распутина велось в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы модернизации современного российского общества в осмыслении и оценке русской культуры конца XX – начала XXI века»¹, поддержанного Федеральным агентством образования РФ. В процессе работы над диссертацией освоены и обобщены материалы исследования, хранящиеся в библиотеках Иркутска и Красноярска, архиве иркутской писательской организации, ряде личных архивов². По теме диссертации имеется 10 публикаций.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы. Библиография насчитывает 482 наименования. Общий объем диссертации – 248 страниц.

¹ Проблемы модернизации современного российского общества в осмыслении и оценке русской культуры конца XX – начала XXI века: Отчет о НИР (за 2005 г.) / Том. гос. ун-т; рук. Т.А. Рытова. Томск, 2005. 119 с. № ГР 01 2005 09466. Инв. № 02 2006 605335.

² Автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору Иркутского госуниверситета И.И. Плехановой за оказанное содействие и поддержку.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается анализ развития литературного процесса и публицистики второй половины XX века, определяется место и роль В. Распутина в литературной и общественной ситуации этого периода; обобщаются работы отечественных и зарубежных исследователей публицистики В. Распутина; обосновываются выбор темы, актуальность исследования, его новизна, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи; теоретическое и практическое значение; интерпретируются сложившиеся в философской науке концепции мировоззрения и анализируются современные теории публицистики.

Мировоззрение может быть рассмотрено как имманентно, так и во взаимоотношении субъекта и реальности. С точки зрения имманентного рассмотрения, в мировоззрение входят мироощущение, мирочувствование, латентные состояния, не ставшие предметом саморефлексии, но способные актуализироваться в жизненной практике (архетипический уровень). С другой стороны, в состав мировоззрения входят рациональный (идеи, суждения) и аксиологический (оценки, ценности) уровни. В единстве всех уровней мировоззрение предстает как содержательная структура, определяющая способ осмысления мира. Мировоззрение, взятое в аспектах взаимоотношения с реальностью, может быть исследовано на трех структурообразующих и взаимодействующих предметных уровнях (любое изменение в их рамках трансформирует систему мировоззрения в целом, обеспечивает процессуальность познания и изменчивость картины мира): 1) бытие (природное, метафизическое); 2) социум (социальная группа, народ, человечество); 3) человек (индивид / личность, рациональное / чувственное, индивидуальное / коллективное существо и т.п.). Эти мировоззренческие доминанты образуют различные уровни мировоззрения или концептуальные системы: онтологическую, историческую, этическую, эстетическую и др. Эти уровни выражаются в языке и находятся в отношениях взаимозависимости, чем обеспечиваются свойства гетерогенности и интегральности системы. Так, априорные установки и предпосылки мышления формируются под влиянием традиций, «духа времени», определяют картину мира, взгляды и убеждения людей (интерпретацию действительности), однако подвержены изменениям в ходе воздействия на них апостериорных факторов – приобретение новых знаний о действительности и выработка новых убеждений. В мировоззрении воплощается синтетический способ освоения действительности, объединяющий рациональный и эмоциональный моменты, когда редуцируется прагматическое противостояние субъекта и объекта познания.

Публицистика понимается нами как тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления и коммуникативной ситуации, как публицистичность, т.е. прямое выражение мысли автором высказывания. Публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения. Писательская публицистика – переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления. Писательская публицистика – тип творчества, предшествующий художественному или следующий за ним как авторский комментарий эстетики художественных текстов, выражение позиции по самым разным вопросам действительности. В понятие публицистики нами включаются не только простые жанры (статья, комментарий, интервью, зарисовка), но и жанры критической статьи, очерка, поскольку элементы художественного детерминированы в них самой логикой развертывания публицистического дискурса.

В **первой главе «Формирование мировоззрения в публицистике В. Распутина»** выявляются факторы, участвующие в формировании мировоззрения, выделяются этапы его становления, связанные с идеологическими и аксиологическими особенностями мировоззренческих доминант и образованных ими уровней, реконструируются те свойства мыш-

ления писателя, которые детерминируют способ восприятия мира и формирования его картины, исследуется этическая система В. Распутина.

В первом разделе *«Истоки мировоззрения В. Распутина»* устанавливается, что мировоззрение писателя складывается в процессе личного жизненного опыта («жизненные университеты») и его активного осмысления. Существование внутри природы и родового социума, с одной стороны, актуализирует архаические дорефлективные структуры сознания, определившие предпосылки формирования онтологии писателя, с другой стороны, в процессе публицистического творчества рефлексии подвергаются социальные установки и идеалы, история и общественные процессы второй половины XX века. Все это «достраивается» обращением В. Распутина к пяти основным культурным дискурсам: народного языка и патриархальной культуры, воспринятых в детстве, русской и зарубежной литературы XIX – начала XX века, современной литературы, отечественной историографии (в том числе региональной) и русской философской (религиозной) мысли.

Во втором разделе *«Публицистика В. Распутина конца 1950-х – начала 1960-х годов: мировоззрение и проблематика»* анализируется проблематика и поэтика публицистики В. Распутина периода работы в газетах «Советская молодежь» (Иркутск, 1957–1961) и «Красноярский комсомолец» (1963–1966). Комсомольская публицистика будущего писателя рассматривается в историко-культурном контексте хрущевской оттепели и тенденций развития журналистики этого времени. Тип молодежной газеты обусловил тематическую специализацию В. Распутина-журналиста, тип героя и модус его авторской оценки. Положительный герой В. Распутина – ударный труженик, активный общественник, сознательный гражданин – «настоящий советский человек»¹. Он характеризуется непротиворечивостью и внутренней цельностью. Уже в начале 1960-х годов в журналистском творчестве В. Распутина оформляются две основные тенденции миромоделирования – героико-романтическая и лирико-онтологическая. Первая возникает в репортажах и очерках о жизни бодайбинских приисков и строительстве Братской ГЭС и развивается в период работы В. Распутина в «Красноярском комсомольце». Вторая воплощается в цикле очерков о Тофаларии и ряде других работ.

Героико-романтическая тенденция связана с изображением ударных комсомольских строек в Сибири. Основной тип текста – беллетризованный очерк с устойчивой, регулярно воспроизводимой структурой поэтики утопического (характер, хронотоп, мотивная структура), что позволяет говорить о формировании в публицистике В. Распутина начала 1960-х годов утопической картины мира, в основе которой лежит глобальный технократический проект социального переустройства. Пафос очерков определяет романтическая устремленность к идеалу, настоящее оценивается с позиции будущего. Грядущий мир символизируется традиционным для соцреализма образом новых городов («Голубые города» А. Толстого). Носителем технократического проектирования является рассказчик, воплощающий такой же тип мышления, что и ровесники-герои. Основной тип героя – герой-преобразователь, человек-теург, строитель утопически прекрасного будущего. Образы персонажей приближены к «житийному» образцу, раскрываются в сюжете титанического труда и противостояния природе. Они гармонизируют, укрощают и возделывают пространство хаоса дикой природы (рытье котлована на строительстве ГЭС в пятидесятиградусный мороз, подрыв скал на месте прокладки железнодорожных тоннелей и т.д.). Природа в очерках дана как символический фон, пейзаж, подчеркивающий мужество и силу героя, обретающего в этом неравном противостоянии духовно-моральное совершенство.

Вместе с тем, в очерках не выявляется строгого соответствия соцреалистическому канону прогрессистской, «прометеевской» утопии, он размыт плюрализован, нормативность поэтики нивелирована. Характеры изображаются с той или иной степенью психологиче-

¹ Распутин В. Познакомьтесь: Николай Дементьев // Сов. молодежь. 1958. 9 дек. С. 3.

ской достоверности (все герои публикаций – реальные люди; на специфику их изображения влияют жанровые требования газетного очерка). Черты человеческой индивидуальности в них не редуцируются. Персонажи обладают своеобразно понимаемой внутренней свободой чувства и воли, даны в момент самоопределения. Это свидетельствует об ученическом характере раннего творчества В. Распутина, когда элементы нормативной эстетики соцреализма, пока авторитетного для молодого и неопытного корреспондента художественного метода, используются в поисках оригинального стиля, жизненный материал определяет изобразительные средства (штампы – «зеленое море тайги», «город-сад», «великая электрическая река Ангара» и пр.).

Вне зависимости от используемых жанров публицистика конца 1950-х – начала 1960-х годов позволяет реконструировать важные установки и предпосылки мышления молодого корреспондента. Будущий писатель постигает, интерпретирует и оценивает жизнь с точки зрения прочно укорененной в структуре мышления имплицитной теоретической парадигмы. Картина мира складывается из понятий и образцов, штампов и концептов официальной социалистической культуры. Мировоззрение В. Распутина соответствует нормативам и идеологическим установкам авторитарного общества, оно спекулятивно и связано с «удвоением» мира: умозрительно постигаемое господствует над реальным, поэтому реальность наделяется идеальными свойствами. Этим объясняется поэтика символизации в репортажах, очерках и зарисовках молодого В. Распутина. Спекулятивный подход к реальности тем более отчетлив, что выражается в советском журналистском дискурсе, функционально ориентированном на агитацию и пропаганду. «Стиль мышления» определяет своеобразие иерархии ценностей: общественное доминирует над личностным, реализация личностных ценностей возможна только через подчинение общественному предназначению.

В третьем разделе первой главы *«Преодоление социального утопизма в очерках 1960-х – начала 1970-х годов и формирование онтологического уровня мировоззрения»* рассматривается следующий этап становления мировоззрения В. Распутина. В очерках о Тофаларии складываются основы распутинской онтологии. Природа Саян описывается как космос – система, все элементы которой взаимосвязаны и пребывают в состоянии единства. В результате постижения писателем человека и его места в мироздании изменяется понимание природы и места человека в ней. В аборигенах Тофаларии В. Распутин открывает носителей особого – онтологического – типа сознания. Сознание субъекта речи очерка сближается с онтологическим сознанием аборигенов. Ему доступен анимизм тофаларов, восприятие цикличности природного времени. В. Распутин впервые проявляет себя как философ. Он сакрализирует природу Саян, воспринимает ее не материалистически, как в очерках о великих комсомольских стройках, а пантеистически.

Формирование онтологического уровня мировоззрения и актуализация мифопоэтического мышления не только меняют оценку социальной действительности и масштабных преобразований сибирского края на прямо противоположную, но и способствуют преодолению прогрессистской утопии социализма. Об этом свидетельствует художественный очерк «Вниз по течению» (в более поздних публикациях – «Вниз и вверх по течению»), опубликованный в журнале «Наш современник» в 1972 году. Хронотоп пути (возвращение писателя Виктора на малую родину) несет семантику прозрения трагической сути современной жизни и открывает пессимистический взгляд писателя на возможности технократического переустройства действительности. В. Распутин фиксирует отчуждение людей, изменение их духовного облика. Писатель создает два образа мироздания – до затопления Братского водохранилища и после. Центром прежнего бытия является река – основа жизни, разворачивающейся по берегам. Река воплощает могучие силы природы, в сезонных ритмах которой происходит циклическое обновление жизни – сцена грозы и начала ледохода на Ангаре. Река обладает руслом, т.е. упорядоченностью и стабильностью. Воплощаемый ею онтологический принцип порядка транслируется на весь береговой космос, ча-

стью которого является и патриархальное общество людей. С другой стороны, река в очерке – метафора самой жизни. Затопление окультуренного пространства, по мысли В. Распутина, становится высвобождением стихии, преодолением в результате человеческой деятельности онтологических закономерностей, естественного устройства мира, свершившийся конец стабильности, надежности и осмысленности человеческого бытия, с чем и связаны апокалипсические мотивы очерка. Его можно считать своеобразным «рубиконом», обозначившим коренную трансформацию мировоззрения В. Распутина в результате осмысления личной духовной драмы (затопление в 1967 году родной деревни Аталанки).

В четвертом разделе *«Картина мира и архаический уровень мировоззрения в публицистике конца 1970-х – начала 2000-х годов»* исследуется онтологический и архаический уровни мировоззрения В. Распутина, выраженные в публицистике зрелого периода. В 1970-е годы в публицистике В. Распутина достраивается онтология, основы которой были сформированы еще в тофаларском цикле. Писатель рассматривает природу как космос, неизмеримо превосходящую человека силу, идеал гармонии, нерукотворного совершенства, эталон организации и мерило мудрости; эквивалент понятия «бытие». Биосфера Земли осмысливается В. Распутиным как экологическая ниша человечества. В этом аспекте писатель связывает окружающую среду и деятельность человека в систему природа / общество, анализируя воздействие антропосферы на равновесие природных экосистем. Представления В. Распутина о бытии позиционируются тремя сферами – областью трансцендентного, природной средой и антропосферой.

Трансцендентное (бог, вечность) воплощено в публицистическом дискурсе, но не развернуто в авторской рефлексии. Реальность потустороннего в концепции писателя проявляется в мире только посредством объектов живой и неживой природы. В выдержках из «Байкальских дневников» природа осмысливается как опосредующее звено между богом и человеком. Воздействие природы на человека имеет реактивный характер и зависит от вектора намерений, с которыми человек обращается к ней. В случае благого к себе отношения природа реализует органичное свойство постепенного духовно-очистительного воздействия на человека. В свою очередь, влияние человека на природную среду осмысливается в двух аспектах: индивидуального отношения и социального воздействия. Первый аспект связан с проблемой познаваемости бытия. С социальным аспектом воздействия человека на природную среду связана экологическая проблематика. Писатель подчеркивает, что напряжения всех гносеологических возможностей человека (как эмпирических, так и умозрительных) далеко не достаточно для восприятия величия космоса во всей его полноте, поэтому природа в концепции В. Распутина метаэстетична и навеки сопряжена с тайной.

Ситуация гносеологического бессилия объясняется, во-первых, разностью бытийного статуса природы и человека, во-вторых, утратой человеком онтологического сознания, способности к трансценденции (умению видеть и владеть языком истолкования и расшифровки знаков потусторонней реальности) в результате отпадения от природного мира и замкнутости в границах социального. С этим связано рассмотрение анимистических воззрений аборигенов на Байкал и Горный Алтай, цель которого, во-первых, дать пример неразвитого в современном человеке онтологического сознания, во-вторых, продемонстрировать наиболее адекватное – символическое – видение сибирской природы.

В мировосприятии В. Распутина стабильно проявляются черты архаики. Восприятие субъектом речи очерков себя и своего места в мироздании, как и места в нем человека вообще, близко онтологическому сознанию представителя архаической культуры, когда человек воспринимает себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами. Природа становится силой, направляющей человека и придающей смысл его существованию. В своей концепции времени В. Распутин противопоставляет истинное, священное время природных циклов линейному времени цивилизации, которое кажется ему разрушительным и предполагающим свой конец. Писатель творит собственный миф, который, как

и в архаическом обществе, служит выражением первоизданной реальности, более величественной и богатой смыслом, чем реальность современная. Этому способствует трагическое восприятие В. Распутиным логики общемирового и национального исторического развития.

В пятом разделе «*Этика В. Распутина в публицистике 1960-х – начала 2000-х годов*» исследуется своеобразие этического уровня мировоззрения, который реконструируется через категорию долженствования, выявляются представления писателя о природе и генезисе долженствования, рассматриваются основные моральные категории, связанные с ним.

В очерках и портретных зарисовках конца 1950-х – начала 1960-х годов долг понимался в духе коллективного утилитаризма – как следование общему делу, достижение общей пользы, долженствование основывалось на априорной посылке о единстве (непротиворечивости) общества и индивида. В очерках и рассказах о Тофаларии узко социальное представление о долге начинает усложняться, преодолевается введением традиционной этики родового сознания. В 1970-е годы В. Распутин открывает сложность природного долженствования, противоречия, возникающие при осуществлении и передаче этических норм. Нравственные нормы носят абсолютный характер, что связано как с их онтологическим статусом, так и с их антропологическим статусом, в котором они предстают как результат взаимодействия индивида и рода, регламентирующего духовное и социальное существование индивида.

Нравственные нормы реализуются в жизни отдельного человека через совесть, которая понимается писателем как моральное предписание, возникшее и хранимое в культурно-историческом опыте народа, открытом онтологии. Деонтологическая система В. Распутина, таким образом, предполагает необходимость синтеза антропологического и онтологического начал. Категория долженствования приобретает два вектора и понимается, во-первых, как исполнение родового (природного) предназначения, во-вторых, как исполнение социально-исторического предназначения. Передача принципов долженствования и регулирующих их моральных предписаний (совести) от поколения к поколению – это сущность и миссия коллективной памяти, памяти народа. С одной стороны, В. Распутин понимает память как онтологический феномен: память заложена в бытии как космосе (порядке), предстает как объективный закон, в том числе и закон человеческого существования. Такая форма памяти генетически заложена в духовном существе человека, в ощущении им своей связи с миром, всеединства сущего. Осознавая генетическую связь с бытием, человек естественным образом приобщается к нравственному опыту народа, передаваемому памятью, совокупным национально-историческим сознанием. Рождается этика, основанная на понимании миссии каждого человека как осуществления сверхличного долга, заключающегося в создании жизни для последующих поколений (трансперсональная этика).

Долженствование распространяется на весь род (народ), на каждого его представителя и целое поколение. С завершением одного поколения долг передается следующему, а неисполнение ныне живущим поколением долга перед родом (народом) обесценивает этическое служение предков, поэтому память является условием бытия как отдельного рода, так и народа, бесконечного, устойчивого самовоспроизводства и более – исторического развития.

Долженствование у В. Распутина имеет метафизическую природу, но воплощено материально: человек ответственен за конкретное пространство жизни, за освоенные предками природные и культурные ландшафты и призван их сохранить и расширить. Следуя этому долгу, человек включается в метафизический круг, предписанный роду (народу). В отличие от онтологической памяти, историческое сознание требует сознательных усилий человека как национально-родового существа. В. Распутин не ставит проблему человеческой воли в формировании нравственных законов, определении долженствования: человеческая

индивидуальность проявляется в следовании или не следовании априорной необходимости. Человек не свободен в определении долга; однако осознание себя частью народа, которому предписана общая миссия, придает жизни конкретного человека осмысленность и стабильность. Забвение заветов предков современниками приводит к разрушению экосистем и культуры, моральному релятивизму и, в конечном итоге, к деградации нации.

Во второй главе «*История и современность в публицистике В. Распутина*» интерпретируется историософия, взгляды писателя на современность, выявляется своеобразие историзма мышления.

В первом разделе «*Философия истории: региональный, национальный и межнациональный уровни*» осуществлена реконструкция исторической концепции писателя, в которой выделяются региональный (сибирский), национальный и межнациональный уровни. Обращаясь к истории, писатель исследует самый широкий круг вопросов – национально-историческое предназначение России, сущность русского национального характера и т.д.

В осмыслении В. Распутиным истории Сибири выделяются национальный, культурный и антропологический аспекты. Реконструируя события истории Сибири, писатель выделяет следующие этапы: 1) доисторический; 2) покорение и освоение Сибири в конце XVI – XVII веках; 3) развитие культурной и экономической самостоятельности Сибири в XVIII – XIX веках; 4) современный этап (XX век). Процесс присоединения Сибири к России и последующего освоения региона представлен В. Распутиным как исторически и культурно детерминированное движение национального организма – взрыв пассионарной активности. Писатель настаивает на активном, героическом потенциале русского национального характера, опровергая распространенные в культуре однозначные представления о пассивной созерцательности и слабохарактерности русского человека.

Рассматривая антропологический аспект истории региона, В. Распутин исследует генезис двух духовно-нравственных типов, контрастно сопутствующих друг другу на протяжении всей истории русской Сибири, связанных с различными способами существования в социуме и природной среде – оседлым и кочевым, – олицетворяющих две противоположные стратегии освоения региона – бережную и колонизаторскую. В. Распутин тщательно выстраивает образ оседлого сибиряка, подвергает подробному анализу генезис и детерминанты его характера. «Коренной» сибиряк является регионально специфической вариацией национального целого. С одной стороны, он предстает выделившейся из коренной нации, отличной от ее европейских представителей в психическом складе и физическом облике, ветвью, с другой, лучше и полнее сохранившим, законсервировав, основные качества национального характера. Противоположный антропологический тип – тип «временщика», сезонно-промыслового кочевника. Экспансия кочевника в Сибири несет разрушение экологических систем, нравственности и культуры.

В национальной истории В. Распутина интересуют следующие вехи: монголо-татарское иго и Куликовская битва, Смутное время, церковный раскол, петровские реформы, наполеоновское нашествие 1812 года и Бородинское сражение, Октябрьская социалистическая революция и гражданская война 1918 – 1920 годов, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства в 1926 – 1938 годах, Великая Отечественная война. Кризисные моменты национальной истории рассматриваются в этическом аспекте. Логика истории представляет последовательность сменяющих друг друга нравственных падений и подъемов. Объяснение этому В. Распутин находит в природе русского национального характера – сочетание святоискательства и юродства. По В. Распутину, в русской душе заложен как потенциал духовного саморазрушения, так и потенциал органического сопротивления национального организма происходящим внутри и вне него негативным процессам. Реализация потенциала, очередное восхождение обусловлены внутренними, имманентно присутствующими национальному организму защитными механизмами. В. Распутин выделяет и исследует

дует три таких механизма: явления святых, мобилизация нации для отпора внешней агрессии, расколы.

В очерке «Поле Куликово» (1979–1980) воплощены представления В. Распутина о «духе Отечества» как одномоментном присутствии, слитности истории, современности, вечности, позволяющих носителю исторического сознания открыть в пространственных (Поле Куликово) и временных (памятные даты) координатах смысл исторического пути России, ее национального предназначения. Символическая сцена заката – столкновение Света и Тьмы – предстает как метафора конфликта памяти и беспамятства в современности. Победа Света выражает испытываемые автором в начале 1980-х годов оптимизм и надежду на новое обретение современниками утраченной некогда памяти, возрождение русского национального самосознания. К концу 1980-х годов, когда инициативу перехватывают «сознательные разрушители России, подпитываемые Западом», В. Распутин все больше разочаровывается в реальности достижения этой цели, негативные социокультурные процессы осознаются как необратимые. Позитивные тенденции в жизни общества начинают слабо ощущаться писателем лишь в начале 2000-х годов. В социальной ситуации 1980-х – 1990-х годов В. Распутин обращается к этике долженствования как варианту выхода из кризиса.

В национально-исторической концепции В. Распутина ведущим фактором формирования русского характера является православие. В статье «Из глубин в глубины» (1988), посвященной тысячелетию Крещения Руси, писатель фиксирует предрасположенность славянина к православной вере. Историческое значение Крещения, с точки зрения В. Распутина, состояло в обретении русским народом цели своего исторического бытия – духовно-нравственного совершенствования. Как существенное обстоятельство отмечается ненавязчивый способ введения христианства на Руси. Природно-космический лад души русского человека не был нарушен, а взаимодействие христианства и языческого мироощущения обусловило формирование русского типа ментальности, определило направление его дальнейшего развития.

В анализе истории славянской суперэтнической общности («Что дальше, братья-славяне?», 1992) В. Распутина интересуют пять этапов: османское, австрийское и немецкое владычество; освобождение славян и обретение национально-государственной независимости в XIX – начале XX века; немецко-фашистская оккупация и новое освобождение в ходе Второй мировой войны; «холодная война»; современный этап. Интерпретация истории определяется идеологической парадигмой¹, историческая информация служит иллюстрацией авторской концепции. Сложившееся в современности положение вещей осознается как ситуация «воюющего само с собой славянства», «конца славянского света», «славянского раскола», а вся история межславянских связей, таким образом, как последовательное приближение к этому моменту.

Второй раздел – «*Социально-исторический уровень мировоззрения В. Распутина*» – включает анализ образа города в зрелой публицистике писателя («Гобольск», «Иркутск», «Кяхта»). Город в публицистике В. Распутина представляет собой сложный феномен и выступает в нескольких значениях: в социальном – как знак современного состояния жизни; в историческом – как субстанция, развивающаяся в ходе исторического процесса; наконец, в онтологическом – как неотъемлемая часть бытия. Город в идеале представляется В. Распутину системой высшего органического типа («организм» Гегеля), элементы которой взаимоположены, не могут существовать друг без друга или вне объединяющего их целого. Фактором, интегрирующим пространство города в единое целое, является диалог – как

¹ «Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем». См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М., 1994. С. 146.

внешний, так и внутренний. Внутренний – это диалог крупных пространственно локализованных образований в пределах самого города (старый и новый город). Внешний диалог – это диалог города и окружающего его природного мира. Кризис этой системы в концепции В. Распутина связан с распадом иерархической целостности пространства города – деградацией пространственных звеньев, нарушением их органической взаимосвязи, происходящим во времени, с момента прошлого к настоящему, когда новый город обособляется от целого, теряет историческую преемственность, связь с вечностью, природой, свою духовную наполненность, и превращается, фактически, в самотождественную, замкнутую, агрессивную квазисистему.

В третьем разделе *«Анализ современности в публицистике В. Распутина: осмысление причин кризиса современной цивилизации»* рассматриваются взгляды писателя на современность. Обращение В. Распутина к фактам исторического прошлого мотивировано ситуацией последних двух десятилетий XX века. Проводя исторические аналогии, писатель стремится выяснить причины наблюдаемого им в современной России кризиса, а также найти и указать соотечественникам способы его преодоления. С другой стороны, оценка современности продиктована пониманием истории. Современная социальная ситуация рассматривается в большой ретроспективе, что придает ей мегаисторический (И.П. Смирнов) статус. В системе взглядов В. Распутина современное общество переживает ситуацию комплексного кризиса своих субстанциальных констант (отношения, институты). Социальное измерение современной Сибири вписано в общенациональный контекст, включенный, в свою очередь, в контекст самой широкой человеческой общности – мировой цивилизации.

В публицистике 1980-х годов формируется цивилизационная концепция кризиса современного мира («Сибирь без романтики», «Моя и твоя Сибирь», «Байкал», «Миллионелетия Рольфа Эдберга», «Сколько будет лет в XXI веке?» и др.). Современную стадию социогенеза писатель оценивает как заключительную и необратимую фазу процесса выделения человека из природной среды, создавшей естественные предпосылки существования и развития общества. Социум, являясь частью биосферы, со временем обособляется в активно противостоящее ей начало, составляет антитезу природе и всему природному, что усиливается в техногенный период развития цивилизации. Научно-технический переворот в производстве стремительно возвышает человека над природой, нарушая их естественные связи. С точки зрения В. Распутина, возросшие возможности преобразования природы рождают убеждение в неограниченных возможностях человеческого разума и утилитарно-прагматический, потребительский подход к природе, взгляд на нее как на источник получения прибыли, ресурсов, сырья, бездонный резервуар отходов, косную и инертную силу, требующую покорения. Это нарушение гармонии в системе бытия грозит человечеству гибелью, создает предпосылки для социокультурных и экологических проблем современной Сибири и России.

Существо современного экологического кризиса осмысливается как результат исключительно антропогенного воздействия на окружающую среду – целенаправленной деятельности общества по подчинению и преобразованию природы. В. Распутин констатирует нарушение динамического равновесия в системе природная среда / человек и говорит о необходимости изменения, посредством экологической деятельности, связей внутри системы. Без внимания в публицистике не остается ни одна из «болевых точек» на экологической карте Сибири. Региональный кризис экологии связывается с постепенным воцарением антропологического типа кочевника. Все локальные экологические противоречия предстают как составляющие единого регионального и шире – планетарного кризиса экологии. Разрушение экосистем и истощение по экспоненте природных ресурсов оценивается как пограничная ситуация между жизнью и смертью, к которой пришло человечество, избрав не-

верный, гибельный путь развития. В. Распутин пишет летопись отечественного экологического движения и вехи своего участия в нем.

Для преодоления экологического кризиса современности В. Распутин предлагает две взаимодополняющие стратегии – хозяйственно-экономическую и этическую. Первая стратегия заключается в формировании в современном обществе и государстве культуры хозяйствования, рационального использования и комплексного освоении природных ресурсов. Вторая – этическая – стратегия выступает условием реализации первой и заключается в формировании экологического сознания, путем гуманистического осмысления способов бытия современного человека в социуме и мироздании, пересмотра его отношений к природе и другим людям, коррекции мировоззренческих координат и системы ценностей. Основным средством реализации этой стратегии должна стать массовая работа по экологическому воспитанию. Должной моделью нравственного существования можно признать противоположный кочевому антропологический тип оседлого сибиряка. Оседлый способ существования предстает как биогенный: укорененность на земле обеспечивает «совместимость человеческой души с природным духом»¹, человек находится в единстве с природой, не выделяется из нее, воздействие на окружающую среду имеет окультуривающий характер. В экологических размышлениях формируется императив целостного видения мира. В. Распутин ратует за возвращение способности переживания метафизической глубины природы.

Все проблемы современного общества рассматриваются в публицистике 1980-х – начала 2000-х годов в этическом аспекте. Современная судьба Сибири в 1980-е годы связывается с утратой обществом исторической памяти и необходимостью охраны памятников истории и культуры. С конца 1980-х годов происходит значительное расширение проблемного поля и увеличение масштаба и характера выводов и обобщений, касающихся социальной, политической и культурной ситуации современной России. Объяснимо это усложнением жизни России, произошедшим в результате смены общественной формации, и усугублением духовного кризиса самого писателя. При этом остаются неизменными сложившиеся в 1980-х годах проблемные доминанты и способы их оценки, что позволяет рассматривать публицистику 1980-х – 1990-х годов как единый текст.

Россия 1990-х годов оценивается В. Распутиным как «страна фантастического саморазрушения», «изувеченная Россия». Новая формация трансформируется в мир абсурда. В публицистике рассматривается самый широкий спектр общественных проблем: духовно-нравственные, психологические, социально-экономические, демографические и т.д. Кризис национальной самоидентификации («национальные безразличие и вялость», «безнациональный народ») позволяют В. Распутину ставить вопрос о существовании нации, по сути, о конце национальной истории. В 1980-е годы устойчивость национальной души к внешним воздействиям не подвергалась сомнению. С начала 1990-х годов происходит разочарование в нравственной устойчивости и сопротивляемости народа.

Выделяется исторический фактор кризиса современной России. С конца 1980-х годов текущее состояние духовной жизни в России осмысливается как закономерный итог нового нравственного упадка, под знаком которого прошел весь новейший период национальной истории. События «окаянного» века оцениваются В. Распутиным как катастрофичный результат растраты накопленного за тысячелетие нравственного запаса народа, когда сам народ, называвший себя ранее «богоносным» и «нравственной крепостью мира», своими же руками уничтожил все свои духовные опоры. В то же время для публицистики В. Распутина 1990-х годов характерна персонификация негативных социальных процессов, что может полностью умять в глазах писателя вину народа. Субъектом ответственности делаются, во-первых, призрачные силы мировой глобализации (западные политико-экономические

¹ Распутин В. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5. С. 119.

круги), во-вторых, власть (советская, демократическая), в-третьих, демократическая общественность (либеральная интеллигенция), в-четвертых, проводники массовой культуры – «сонмище срамников, хулителей и оболстителей». Для публицистики В. Распутина конца 1980-х – начала 2000-х годов характерна обвинительная направленность, предельная категоричность суждений. В публицистических выступлениях писателя содержатся требования государственных ограничений прав и свобод граждан: «Если натасканные к нам свободы убивают жизнь и их не представляется возможным обуздать, на кой нам нужны эти свободы!»¹.

В публицистике конца 1980-х – 1990-х годов современность рассматривается в геополитическом аспекте. В. Распутин фиксирует происходящее в новейшей истории человечества создание единой планетарной цивилизации – глобализация политико-экономических отношений и унификация общечеловеческой культуры. Вектор глобализации составляет вестернизация. В публицистике 1990-х присутствует образ некой не персонифицированной силы, сознательно управляющей этими процессами (мировое правительство). Категорически отвергая уравнивание культур, В. Распутин настаивает на их плюрализме и гармоническом синтезе, считает этническую пестроту оптимальной формой существования человечества. Благодаря дискретности мировой культуры каждая из составляющих ее национальных культур сохраняет условия к самопознанию и межкультурному диалогу. Писатель подчеркивает несовместимость русской души с тенденциями мировой цивилизации. Стойкое национальное чувство называется единственным условием самосохранения.

В третьей главе *«Проблемы литературы и искусства в публицистике и критике В. Распутина»* рассматриваются взгляды писателя на предназначение искусства, эстетику и поэтику словесного творчества.

В первом разделе *«Деонтологическая миссия искусства»* анализируются представления В. Распутина о долге писателя и долге интеллигенции. Художник способствует национальной реализации должного. Он оценивается как носитель родового; в публицистике формируется представление о литературе как форме национального самосознания. Художник последовательно предстает медиумом, праведником и проповедником, в зависимости от этапа эстетической деятельности, связанной с познанием и продуцированием этической правды. На основании этих представлений В. Распутин оценивает творчество ушедших из жизни художников (А. Вампилова, В. Шукшина, Ф. Абрамова, Л. Леонова и др.). В эстетике В. Распутина инициатива акта творения не принадлежит автору. Художник – лишь проводник высших смыслов. Истина метафизична, доступна лишь гению. Пространство истины составляет, с одной стороны, духовное существо народа, с другой стороны, онтология. Ощущая вечность человечества, понимая цель национального бытия, художник становится хранителем нравственных ценностей – праведником. Задачей писателя, ведающего правду идеального (этического) существования, является рассказ о ней – проповедь, актуализация национальных ценностей в современном обществе и создание условий для воспроизводства нравственного опыта сегодняшним поколением.

В. Распутин требует от писателя гражданственности. Представления о социальной роли писателя в конце 1980-х – начале 1990-х годов разворачиваются и вписываются в рефлексию об интеллигенции, ее современном состоянии и социально-исторической роли («Из огня да в полымя», 1990). В. Распутин пытается осмыслить феномен, генезис русской интеллигенции и ее роль в духовном кризисе СССР. В зависимости от культурной ориентации, выделяется два духовных типа интеллигенции: фактически, славянофильская и западная, соотносимые как национальная и антинациональная. Вслед за Н. Бердяевым, В. Распутин указывает на такой фактор, определяющий специфичность русской интеллиген-

¹ Распутин В. «...Но как на свете без любви прожить» / Беседа вела А. Харитонова // Сел. жизнь. 1998. № 5 (22295). 15 янв. С. 8.

ции, как дух отрицания. Историческими чертами русской интеллигенции называются беспочвенность и наднациональность. Советская интеллигенция представляет собой искусственное, неорганическое явление, на формирование которого влияет идеологическая зашоренность образования и духовный климат СССР в целом – «полуинтеллигенция», «образованщина». Отрыв от родной почвы детерминирует духовную слепоту и неспособность к различению вреда и блага для России.

Примерами истинной – «духоотеческой» – интеллигенции для В. Распутина являются, с одной стороны, русские святые, с другой стороны, писатели, философы и ученые патриотической ориентации. Сложившейся в Советском Союзе «образованщине» противопоставляется послереволюционная эмиграция и ее наследники (национально-патриотический лагерь, а также ряд ведущих деятелей культуры и науки). Предназначением истинной интеллигенции в современной России провозглашается «национальная мобилизация и укрепительная работа»: проповедь традиционных нравственных ценностей и культуры, продуктивная работа по укреплению культуры, общественных институтов и государства.

В прозе В. Распутина герои следуют этике родового сознания не осознанно; нравственность предстает как интуитивное чувство. В современной социокультурной ситуации интуитивное нравственное чувство представляется В. Распутину не достаточным, поскольку патриархальный уклад жизни, обеспечивавший возможность общих, коллективных нравственных норм, разрушается. Воспринимая родовую ценность в форме предписания, человек должен осознать ее, сделать своей личной сознательной целью и следовать практически. Художник способствует формированию чувства должного в жизни общества. Нравственная задача сохранения отеческого сознания побуждает обратиться к истории. Публицистика, с точки зрения В. Распутина, должна способствовать осознанию современниками родового предназначения.

Второй раздел третьей главы *«Эстетика В. Распутина»* состоит из трех параграфов. В первом *«Мировоззренческие доминанты эстетического мышления писателя»* раскрываются принципы эстетики В. Распутина, выраженные в публицистике. Эстетика писателя детерминирована его этикой. Творчество является для В. Распутина тайной. Писатель настаивает на автономности, интимности творчества и говорит о невозможности рационального его постижения. Источником литературы в эстетике В. Распутина является жизнь, писатель утверждает приоритет жизни перед литературой. В понятие жизни он включает момент становления, это процесс, непрерывно осуществляемый в прошлом, настоящем и будущем. Он стихийен, развивается по неведомым, таинственным законам, его течение невозможно предусмотреть и полностью воплотить в слове: «...стихийная выверенность, составляющая, вопреки нашим суждениям, все по своим собственным местам»¹. Понятие жизнь охватывает все многообразие реальности – природного и человеческого бытия. Художник в состоянии отразить процесс жизни, лишь обратившись к отдельному его фрагменту – создав завершенную модель действительности, упорядочив ее течение в архитектонике произведения.

Ценностным центром литературы в эстетике В. Распутина является человек: «В литературе мир сходится в человеке»². В. Распутин исходит из его жизненной сложности, реальный человек, как и сама жизнь, сложнее всех форм его семиотического завершения. Человек в эстетическом мышлении В. Распутина – тайна, которую можно познать лишь в связи с общей тайной жизни. Писатель стремится к постижению человека в его целостности, поэтому главным эстетическим принципом его изображения становится психологизм, позволяющий исследовать внутренний мир души во всей полноте.

¹ Распутин В. Исповедимы пути твои...: О рассказах Геннадия Николаева // Сибирь. 1984. № 1. С. 107.

² Вопросы, вопросы... // Распутин В. Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск, 1987. С. 162.

В. Распутин осознает свою приверженность реалистической эстетике, поскольку верит в познавательные возможности искусства. Реалистический метод называется единственно адекватным полноте бытия, позволяющий в полной мере реализовать предназначение литературы. В публицистике утверждается представление об искусстве как самосознании жизни. С точки зрения В. Распутина, все, что включено в жизненный процесс, обязательно найдет свое отражение в литературе, так как сама жизнь нуждается в том, чтобы быть осмысленной. Единственный, кто способен придать жизни осмысленность, преодолеть ее текучесть в форме целого – это художник. Именно поэтому центральная категория эстетики В. Распутина – «правда жизни», получающая три основных трактовки. Во-первых, это жизненная правда – законы реально существующего мира. Во-вторых, нравственный смысл реальности. В-третьих, понятие правды истолковывается писателем в национальном аспекте – как совокупность нравственных норм народа. Категория правды жизни определяет и представления писателя о том, что в основе художественного произведения должен быть положен только личный опыт автора, обеспечивающий достоверность переживаемого.

Во втором параграфе третьего раздела *«Концепция языка и культуры в публицистике В. Распутина»* рассматриваются воплощенные в зрелой публицистике взгляды писателя на язык, культуру, искусство и отечественный литературный процесс. С 1970-х годов в публицистике писатель активно размышляет над проблемами языка. Феномен языка осмысливается как «имя нации» – средоточие народной субстанциальности, форма нравственного самосознания народа, поэтому язык в состоянии помочь писателю в исследовании жизни, человека и народного бытия. В. Распутин испытывает тревогу за современное состояние русского языка, который утрачивает терминологическую точность, превращаясь в симулятивную систему. Многократное наращивание смыслов приводит к утрате словом референтного значения. Главное, что подчеркивает писатель, – утрату этического содержания слова, когда язык перестает обозначать этическую реальность. Отсюда вытекает и представление писателя о задаче литературы, обозначенной понятием «экология языка» – сохранение первичного значения слов. Народность языка других писателей становится одним из основных критериев оценки истинности их прозы.

С конца 1970-х годов В. Распутин размышляет о сущности, предназначении и современном состоянии культуры и искусства. Культура понимается, с одной стороны, как национальный феномен – воплощение души народа, способ его самовыражения. С другой стороны, множество национальных культур находятся в состоянии диалога и в целом составляют общемировую культуру, сохраняя при этом свою специфичность и самодостаточность. Понятие культуры включает в себя традиции, обычаи, этические и эстетические нормы, язык, литературу и искусство. В. Распутин не проводит четкой понятийной границы между терминами культура, искусство и литература, используя эти понятия как синонимы, поэтому литературный процесс часто выступает аналогом процессу развития культуры и искусства. Современная литература оценивается с точки зрения классической – гуманистической – парадигмы, в основе которой лежит дидактизм. В оценках искусства, литературы и культуры В. Распутин опирается и на этический потенциал религиозной (православной) парадигмы, отрицая чистый, самодостаточный эстетизм, за которым видит «строительство соблазна» и «разрушение человека». Классическая культурная парадигма, в целом, и классическая литература, в частности, в публицистике В. Распутина выступает как гомогенный идеал, поле базовых интерпретаций, которое призвано обеспечивать самоидентичность культурного организма, сохранение культурного кода – гарантировать адаптацию к изменениям внешнего для культуры контекста без качественных трансформаций базовой модели.

Отечественный литературный процесс интерпретируется в диахроническом аспекте. В. Распутин подчеркивает идею преемственности русской литературной традиции. В поле

рефлексии В. Распутина входят, во-первых, литературная жизнь XIX века – идейное противостояние западников и славянофилов. Во-вторых, эпоха Серебряного века, трактуемого как вершина развития русской культуры, которая в предчувствии скорой катастрофы до предела реализовала свой потенциал. В-третьих, В. Распутин анализирует парадокс революционных лет – как русская литература, во многом подготовив октябрьскую революцию 1917 года (В. Розанов), спасла впоследствии национальную культуру и самосознание (В. Непомнящий). В-четвертых, литература 1960-х – первой половины 1980-х годов, взявшая на себя миссию правдоискательства, проповедничества. По мысли писателя, она подготовила духовно-нравственное возрождение, возврат к истокам. В. Распутин анализирует и кризис литературы 1990-х – начала 2000-х годов. Литературе, продолжающей традиции классики, противопоставляется литература «постмодернизма» («погребальная литература», «трупоядствующая словесность», «смердяковщина») и современная развлекательная литература («наркотические таблетки в книжной обертке»). Писатель надеется на кратковременность этого явления. На рубеже 1990-х – 2000-х годов «погребальная литература» оценивается как временное явление, вызванное смутным временем, констатируется постепенное возрождение национальной литературы, возвращение интереса к ней читателей. В публицистике говорится о необходимости господдержки культуры, выдвигаются требования введения государственных ограничений массовой культуры.

В третьем параграфе *«Проблемы словесного творчества в публицистике и критике В. Распутина»* раскрываются взгляды на поэтику прозы и писательское мастерство, определяемые мировоззренческими доминантами его эстетики. С точки зрения В. Распутина, художник не знает всех возможностей своего творческого мастерства, находится в постоянных поисках средств изображения, моделирования изменяющейся жизни. При этом он должен следовать собственным познаниям о жизни и познанным ценностям. В. Распутин не приемлет подражательства. Следование за авторитетами в литературном мастерстве означает для В. Распутина отказ от поиска собственной манеры и, в конечном итоге, отказ от самореализации.

Находясь в границах эстетики реализма, В. Распутин не отрицает права на вымысел. Художественный вымысел понимается как прием поэтики, позволяющий максимально выразить нравственный смысл происходящего в реальности. Эстетическое представление о бытии как о тайне, которая должна быть передана в художественном произведении, обуславливает поэтику многозначности. В публицистике В. Распутина устанавливается баланс между мыслью, эмоцией и стилем в рамках художественного произведения. В. Распутин-критик предъявляет авторам требование простоты, в которой проявляется мастерство, т.е. умение передать глубокие истины о жизни, доступные писателю, перевести их на понятный читателю язык.

Творческий процесс в эстетическом сознании В. Распутина связан с погружением в создаваемый художественный мир, обеспечивающим целостное его видение. Основной трудностью творчества для В. Распутина является поиск и последующее сохранение устойчивой авторской позиции по отношению к изображаемой реальности, позволяющей зафиксировать непрерывный процесс жизни, поэтому писателю трудно начинать новую вещь. Если эта позиция не найдена, творческий процесс неудачен. Когда возможность полного погружения в художественную реальность отсутствует, обретение необходимой позиции откладывается на неопределенный срок. Как только В. Распутин находит эту позицию, мир предстает ему ожившим, темп письма резко ускоряется, процесс творения становится продуктивным.

В эстетической системе В. Распутина нет представлений о творческом всемогуществе автора. Писатель вынужден прислушиваться логике художественного мира, осознавая пределы возможностей чувствования и познания реальности на данный момент своего творческого и человеческого развития. В. Распутин ощущает самостоятельность творимой им реально-

сти, которая сопротивляется навязываемой творцом логике, поэтому отказывается от заданности в процессе творчества. Существующий план обязательно учитывает самодвижение характеров и ситуаций, соответствующее течению самой жизни, корректируется в процессе творчества. В. Распутин обозначает поисковый, исследовательский характер творчества, промежуточные этапы и конечный результат которого неизвестны заранее. С точки зрения В. Распутина, художественное произведение должно существовать в сознании читателя как самодвижущийся момент жизни, развивающийся по своим непредзаданным автором законам. Автор должен принципиально устраниваться из художественного мира и поля жизни героя, чтобы читатель испытывал доверие к воссоздаваемой в произведении реальности.

Эта установка определила поэтику повествования в прозе В. Распутина до начала 1980-х годов (позиция объективированного эпического повествователя). Между автором и героем устанавливаются особые отношения. Герой является самостоятельным субъектом, наделенным внутренней логикой существования и саморазвития. После завершения произведения созданный мир отрывается от сознания творца и начинает жить по законам собственной логики. Попытка внесения изменений в самодвижущуюся художественную реальность означает не переделку, а создание уже другой реальности, поэтому писатель считает, что легче написать новую вещь, чем вторгаться в ткань завершенной.

В эстетической системе В. Распутина автор и читатель составляют единую духовную общность и сложно взаимодействуют между собой. Читатель оказывается активной стороной творчества, становится одним из коррелятивных моментов художественного целого произведения. Он в той же степени, что и автор, сопричастен творению, вживается в художественный мир, способен переживать те же состояния, что и автор. В публицистике формируется представление об особой роли читателя, который должен в процессе чтения самостоятельно познать тайну жизни, воплощенную в произведении.

В Заключении подводятся итоги исследования. Анализ проблематики и поэтики публицистики В. Распутина конца 1950-х – начала 2000-х годов позволил реконструировать его мировоззрение как систему. В ходе анализа были выявлены и описаны мировоззренческие доминанты и образованные ими уровни мировоззрения – онтологический, исторический, этический и эстетический (синхронный аспект), взятые в их становлении (диахронный аспект). Мировоззрение В. Распутина формируется под влиянием архаических структур (архетипов) сознания, личного жизненного опыта, освоения культурных дискурсов народного языка и патриархальной культуры, русской и зарубежной литературы XIX – начала XX века, современной литературы, отечественной историографии (в том числе региональной) и русской философской (религиозной) мысли. Основные мировоззренческие доминанты (представления о человеке, социуме, бытии) детерминированы архетипами, «коллективным бессознательным» (К.-Г. Юнг) и социальными условиями существования (мир русской деревни), что позволяет типологически определить мировоззрения В. Распутина как традиционное. Актуализация архаических, мифологических структур мышления способствует преодолению социальной обусловленности и становлению персонального мировоззрения В. Распутина. Формирование онтологического уровня определяет открытие глубины и сложности организации Вселенной. Представления о человеке и социуме приобретают универсальный характер. На основании представлений о взаимосвязи и взаимодействии человека (социума) и природы формируется исторический уровень мировоззрения писателя – представления о цивилизации, историческом процессе и современности, национальном своеобразии русского народа, его исторической судьбе и авторская футурология. Структурообразующим началом мировоззрения выступает этика. Этика долженствования в публицистике писателя онтологична, сводится к природному и родовому указу. Авторская концепция долженствования определяет представления о миссии художника как медиума запредельного нравственного закона, праведника и проповедника. Творчество пред-

стает формой нравственного самосознания коллективного целого (народа), обладающей трансцендентной природой, и жизни. Система этических и эстетических представлений определяет взгляды писателя на язык как средоточие национальной субстанциальности, культуру и искусство.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Каминский П.П. Исторический дискурс в очерковой прозе В. Распутина о Сибири / П.П. Каминский // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Сб. тр. мол. ученых / Под ред. А.А. Казакова. – Вып. 5. – Ч. 1: Литературоведение. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 66-69.
2. Каминский П.П. «Дух Отечества» в публицистике В. Распутина («Поле Куликово») / П.П. Каминский // Вызовы времени и православные традиции: Материалы XV Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / Под ред. игумена Силуана (Вьюрова), Т.А. Костюковой. – Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2005. – С. 50-54.
3. Каминский П.П. Образ города в очерках В. Распутина / П.П. Каминский // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы III Междунар. науч. конф. (4-5 нояб. 2004 г.) / Под ред. В.Е. Головчинер, Н.Е. Разумовой, Е.Н. Ковалевской: В 3 ч. – Ч. 2. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 149-156.
4. Каминский П.П. Проблема защиты окружающей среды в публицистике В. Распутина / П.П. Каминский // Актуальные проблемы журналистики: Сб. тр. мол. ученых. Вып. 2 / Под ред. Н.В. Жилияковой, П.П. Каминского. – Томск: УПК «Журналистика», 2005. – С. 19-23.
5. Каминский П.П. Философия истории в публицистике В. Распутина 1970–1990-х годов / П.П. Каминский // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в литературе XX века / Под ред. Т.Л. Рыбальченко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 123-143.
6. Каминский П.П. Черты архаического мироощущения в очерковой прозе В.Г. Распутина конца 1970-х – начала 2000-х годов / П.П. Каминский // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI Всеросс. науч.-практ. конф. мол. ученых (22-23 апр. 2005 г.) / Под ред. А.А. Казакова. – Вып. 6. – Ч. 2: Литературоведение. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 91-94.
7. История отечественных СМИ: Проблемы типологии и публицистики (новейший период, 1917–2005): Учебно-методическое пособие для студентов ТГУ / Сост. И.И. Митченкова, П.П. Каминский. – Томск, 2005. – 48 с.
8. Каминский П.П. Концепция творчества в публицистике В. Распутина / П.П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Теоретические и прикладные аспекты литературоведения». – 2006. – № 80. – Июль. – С. 53-58.
9. Каминский П.П. Становление философии природы в очерковой прозе В. Распутина / П.П. Каминский // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия: Сб. науч. докладов / Под ред. В.А. Суханова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 305-317.
10. Каминский П.П. Публицистика В. Распутина 1960-х – начала 1970-х годов: формирование мифопоэтического мышления / П.П. Каминский // Журналистика в поисках моделей развития: Сб. ст. и м-лов науч.-практ. конф. – Томск: ФЖ ТГУ, 2006. – С. 234-244.